

СОЦИОЛОГИЯ ЭКОЛОГИИ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.16

Правильная ссылка на статью:

Ермолаева П. О., Ермолаева Ю. В. Критический анализ зарубежных теорий экологического поведения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 323—346. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.16>.

For citation:

Ermolaeva P.O., Ermolaeva Y.V. (2019) Critical analysis of foreign theories of environmental behavior. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 323—346. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.16>.

П. О. Ермолаева, Ю. В. Ермолаева КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ ТЕОРИЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ ТЕОРИЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

CRITICAL ANALYSIS OF FOREIGN THEORIES OF ENVIRONMENTAL BEHAVIOR

ЕРМОЛАЕВА Полина Олеговна — кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник виртуальной научно-исследовательской лаборатории «РНФ-17-45-ВП», Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

E-MAIL: polina.ermolaeva@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0001-7522-9537>

*Polina O. ERMOLAEVA*¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Senior Research Fellow, Virtual Research Laboratory 'RNF-17-45-VP'

E-MAIL: polina.ermolaeva@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0001-7522-9537>

¹ Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

*ЕРМОЛАЕВА Юлия Вячеславовна — младший научный сотрудник виртуальной научно-исследовательской лаборатории «РНФ-17-45-ВП», Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия; научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия
E-MAIL: mistelfrayard@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-7421-2044>*

*Yulia V. ERMOLAIEVA^{1,2} — Junior Research Fellow, Virtual Research Laboratory 'RNF-17-45-VP'; Research Fellow
E-MAIL: mistelfrayard@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-7421-2044>*

¹ Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

² Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. На основе метаанализа более 100 статей авторы предприняли попытку критического анализа, сравнения и систематизации основных подходов и теорий, объясняющих изменения в экологическом поведении субъектов, которые слабо представлены в российской социально-экологической литературе. Для объяснения мотивов экологического поведения субъектов рассматриваются: теория активации нормы, теория запланированного действия, теория «ценности — убеждения — нормы», теория самовосприятия, подход «установки — поведение — контекст». Авторы пришли к выводу, что данные теории базируются на анализе схожих компонентов: установок, ценностей и поведения субъектов. Большинство этих теорий фокусируются на какой-то одной независимой переменной, через которую объясняются сложные процессы экологического поведения субъекта. Теория активации нормы объясняет, как на основе первичных экологических знаний и ценностей формируется норма, а далее — трансформируется в проэкологические практики. В отличие от нее, теория запланированного действия анализирует общественные формы контроля и взаимоотношения индивидов и социальных институтов в процессе формирования практик. Обе

Abstract. Based on a meta-analysis of more than 100 articles the authors attempt to compare and systematize the basic approaches and theories of environmental behavior which are poorly presented in Russian social-ecological literature. Norm activation theory, theory of planned behavior, “value-belief-norm” theory, self-perception theory, “attitude-behavior-context” approach are applied to explain the motivation for pro-ecological behavior. The authors conclude that all these theories have similar components: attitudes, values, behaviors. Most of them are focused on a dependable variable which explains complex ecological behavior. Norm activation theory explains how, based on initial environmental knowledge, the norm is formed and further transformed into pro-ecological behaviors. In contrast, theory of planned behavior analyzes social norms and relationships between individuals and social institutions. Both models show how society perceives the subjects’ behaviors which eventually will be important in forming the practices. “Value-belief-norm” theory is focused on subject’s values and beliefs which launch different ecological activities such as ecological activism, environmentalism in private sphere, pro-ecological behavior at the organizational level. Self-perception theory

теории показывают, как общество оценивает действия субъектов, что впоследствии становится решающим фактором при формировании экопрактик. Теория «ценности — убеждения — нормы» направлена на анализ установок и норм субъекта, в зависимости от которых формируются разные модели экологической деятельности: экологический активизм, инвайронментализм в частной сфере, проэкологическое поведение на организационном уровне. Теория самовосприятия фокусируется на опыте участия субъекта в экологических практиках. Теория «установки — поведение — контекст» позволяет ученым строить многомерные модели по оценке уровня сформированности экологических практик субъектов на основе анализа множества переменных: инфраструктурных, институциональных, социально-экономических, демографических, ситуационных. В отличие от более ранних теорий, данный подход удачно интегрирует контекстуальные факторы в анализ разнообразной палитры экологических действий, объясняет причины, по которым субъекты с высоким уровнем экологических ценностей и установок имеют низкий уровень экологических практик.

Ключевые слова: экологическое поведение, экологическое действие, теория активации норм, модель «ценности — убеждения — нормы», теория запланированного поведения, теория самовосприятия, теория «установки — поведение — контекст»

Благодарность. Статья написана при поддержке гранта Президента РФ № МК-3338.2019.6 на тему «Построение качественной модели по оценке освоения россиянами новых форм цифрового городского участия в решении социально-экологических проблем и конфликтов».

highlights subject's experience in environmental practices. "Attitude-behavior-context" theory allows researchers to build multidimensional models based on ecological practices using a number of variables (infrastructure, institutional, socio-economic, demographic, situational variables). Unlike earlier theories, this approach is successful in integrating contextual factors into the analysis of various ecological actions; it explains the reasons why individuals with high level of ecological values and settings have low level of pro-ecological practices.

Keywords: environmental behavior, ecological action, norm activation theory, value-belief-norm model, theory of planned behavior, self-perception theory, attitude-behavior-context theory

Acknowledgments. The article is supported by the grant of the President of the RF no. MK-3338.2019.6 entitled "Designing a qualitative model assessing new forms of Russians' urban digital participation in solving social-ecological problems and conflicts".

Введение

В социальных науках экологическое поведение рассматривается учеными как сознательный процесс, направленный на объекты, процессы или явления внешней среды (природной и социальной), с которыми взаимодействует индивид [Ермолаева, 2011]. В данной интерпретации экологическое поведение близко по смыслу к понятию «экологическая деятельность». Главное свойство экологической деятельности — ориентированность на достижение цели. Наличие цели отличает экологическую деятельность от более общего понятия — экологического вмешательства, то есть такой формы взаимодействия человека с внешней средой, при которой само включение человека в экологическую систему вне зависимости от его цели и задач приводит к изменению этой системы.

В российской традиции часто экологическое поведение понимают как внешнее отражение экологической деятельности. В западной социально-экологической традиции понятие «экологическое поведение» в содержательном плане симметрично отечественному понятию «экологическая деятельность». Поэтому, анализируя работы западных ученых, мы будем употреблять термин «экологическое поведение», понимая под ним более широкую категорию (наравне с отечественным понятием «экологическая деятельность»).

В зависимости от направленности данной деятельности мы будем различать разные формы экологического поведения — проэкологическое поведение (совокупность практик, поступков, направленных на охрану окружающей среды), либо антиэкологическое поведение (совокупность практик, поступков, направленных на хищение природных ресурсов, нерациональное природопользование).

Зарубежные исследователи выделили два подхода к концептуализации экологического поведения. С точки зрения первого подхода экологическое поведение определяется через воздействие на окружающую среду: «степень изменения ею возможностей материалов или энергии или изменения структуры и динамики экосистем и биосферы в целом» [Stern, 1999: 462]. Такие социальные инициативы, как очистка леса и уборка домашнего мусора, непосредственно вызывают экологическое изменение, в то время как цены на мировых товарных рынках, национальная экологическая или налоговая политика оказывают значительное экологическое воздействие опосредованно.

В исторической перспективе воздействие субъекта на среду обитания было связано с удовлетворением его потребностей в безопасности, передвижении, власти, статусе, престиже и т. д. [Jansen-Osmann, 2007]. Только относительно недавно такое воздействие получило другое значение — как действие, которое совершается с целью изменения среды обитания [Kyttä, 2002]. Данное «прочтение» экологического поведения исходит из его ориентации на экологическое намерение как самостоятельную причину действия и подчеркивает вероятность того, что экологическое намерение может и не реализоваться в экологическом поведении [Dunlap, 2002]. Именно на противопоставлении «сознание — действие» построено множество теорий, объясняющих причины расхождения между экологическими установками и практиками.

Исследования, проведенные до 1980-х годов, обнаружили статистически значимую корреляцию между экологическими убеждениями и поведением [Luuben,

Cummings, 1982; McKenzie-Mohr, 2009]. В начале 1990-х годов ученые выдвинули гипотезу, что мотивация, лежащая в основе экологического поведения, имеет более сложную структуру, включающую социокультурные факторы [Roberts, 1996]. Во многих исследованиях использовался контекстуальный подход, учитывающий как ситуативные, так и нормативные переменные [Garling, Loukopoulos, 2007: 314]. Рассматриваются два типа факторов: система ценностей объектов и их социально-демографические особенности. К примеру, ученые выяснили, что более высокий уровень образования и благосостояния подразумевает более высокий уровень потребления, но и более осознанный подход к изменению экологических привычек [Samdahl, Robertson, 1989; Baldassare, Katz, 1992].

В 1990-е годы вопрос об экологическом поведении встал на авансцену политических программ в Европе, поскольку существовавшие модели потребления ресурсов и последующее образование отходов создавали все более сложные экологические, политические и социальные риски. Связи между экологическим поведением субъектов и их социально-демографических характеристик были исследованы на основе простых моделей экологического поведения [Derksen, Gartrell, 1993; Gould, Schnaiberg, Weinberg, 1996; Lutzenhiser, Hackett, 1993; Consciousness..., 1993; Sawitria et al., 2015].

Другая группа ученых [Barr, Gilg, Ford, 2001; Guagnano, Stern, Dietz, 1995; Martin et al.: 341] анализировала связи между экологическими намерениями и практиками, подчеркивая, что к одному и тому же действию могут приводит совершенно разные намерения¹. Например, принципиально разными будут намерения в случае увеличения потребления экологически чистых продуктов питания и в случае смены среды обитания при наличии рядом с местом постоянного проживания возгораемой свалки.

Эвристические возможности теорий экологического поведения, во-первых, позволяют исследователям эмпирически измерять композицию и вес факторов, влияющих на формирование экологических практик субъектов в разных социокультурных контекстах; во-вторых, объяснять и квантифицировать различия между экологическими установками и практиками субъектов, диагностируемые в подавляющем большинстве отечественных и зарубежных социально-экологических исследований [Corraliza, Berenguer, 2000; Ермолаева, 2011; Yanitsky, Usacheva, 2017; Рыбакова, Гоманова, 2014]; в-третьих, моделировать и прогнозировать векторы развития экологических практик субъектов на основе построения многомерных моделей: результаты исследований, полученные на основе данных теорий подтвердили свою высокую надежность и валидность [Environmental knowing..., 2010; Hansla et al., 2008; Kollmuss, Agyeman, 2002; Nordlund, Garvill, 2002, 2003; Vlek, Steg, 2007].

Кроме этого, у данных теорий есть прикладная задача — понимание объективных и субъективных факторов, определяющих экологические практики населения, которое может быть использовано органами местного самоуправления и профессиональными экологами при формировании эффективной экологи-

¹ IPCC. Summary for Policymakers. In: Climate Change 2013: The Physical Science Basis. Contribution of Working Group I to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Cambridge, United Kingdom and New York, NY, USA, 2013. P. 23.

ческой политики и экологического оздоровления территорий, а также применяться в образовательных программах [Figge et al., 2002; Garling, Loukopoulos, 2007; Kyta, 2002; Macnaghten, 2003; Mayer, McPherson, 2004; Steg, Dreijerink, Abrahamse, 2005].

Анализ отечественной литературы показал, что российские исследователи скромно используют богатое наследие зарубежных трудов в области применения социально-психологических подходов для объяснения мотивов и установок, стоящих за экологическим поведением субъектов [Ermolaeva, 2017; Yanitsky, Usacheva, 2017]; практически нет переводных трудов по теме.

В связи с этим целью нашего исследования стали критический анализ, сравнение и систематизация основных подходов и теорий, объясняющих изменения в экологическом поведении субъектов на основе анализа зарубежной литературы. Особое внимание уделено оценке эвристических возможностей каждой теории для исследования особенностей формирования экологического поведения.

В исследовании применяется анализ современных научных статей из преимущественно англоязычных реферируемых журналов, отобранных по следующим ключевым словам: «environmental behavior», «environmental behavior theories», «sociological and psychological theories of environmental behavior» и т. д. Всего в анализ попало более 100 статей в период с 1970 г. по настоящее время. Метаанализ был проведен в январе 2018 г.

Результаты

В 1970-х годах на Западе началась активная полемика относительно понимания того, как формируется экологическое поведение в контексте расширения влияния концепции устойчивого развития. Появившиеся в то время объяснительные концепции (теория активации нормы, теория запланированного поведения [Schwartz, 1977], теория самовосприятия [Prati et al., 2015; Sawitri et al., 2014: 176; Cornelissen, 2006; Vem, 1972]) сегодня выступают фундаментом для исследований проэкологического поведения субъектов. В 1999 г. появилась концепция «ценности — убеждения — нормы» [Stern, 1999], направленная на переосмысление ранее существовавших подходов, а позже возник подход «установки — поведение — контекст». Ниже предлагаем рассмотреть каждый подход подробно.

Теория активации нормы (norm activation theory) [Schwartz, 1977]. Эта психологическая теория объясняет процесс конструирования норм поведения, а также описывает взаимоотношения, возникающие между субъектом и обществом в процессе формирования норм (см. рис. 1). Она направлена на объяснение того, как норма формируется из первичных экологических знаний и ценностей, а далее — трансформируется в проэкологические практики.

Считается, что экологическая установка трансформируется в экологическое поведение тогда, когда выполняются следующие условия: присутствует чувство обеспокоенности экологической проблемой (*awareness of the environmental problem*), чувство личной причастности к ее возникновению (*awareness of behavioral relevance*) и осознание своих возможностей изменить ситуацию (*awareness of abilities*) [Schwartz, 1977]. Компонент «активация нормы» объясняет формиро-

вание установки. Он состоит из степени осознания субъектом экологической проблемы и способностей повлиять на ситуацию.

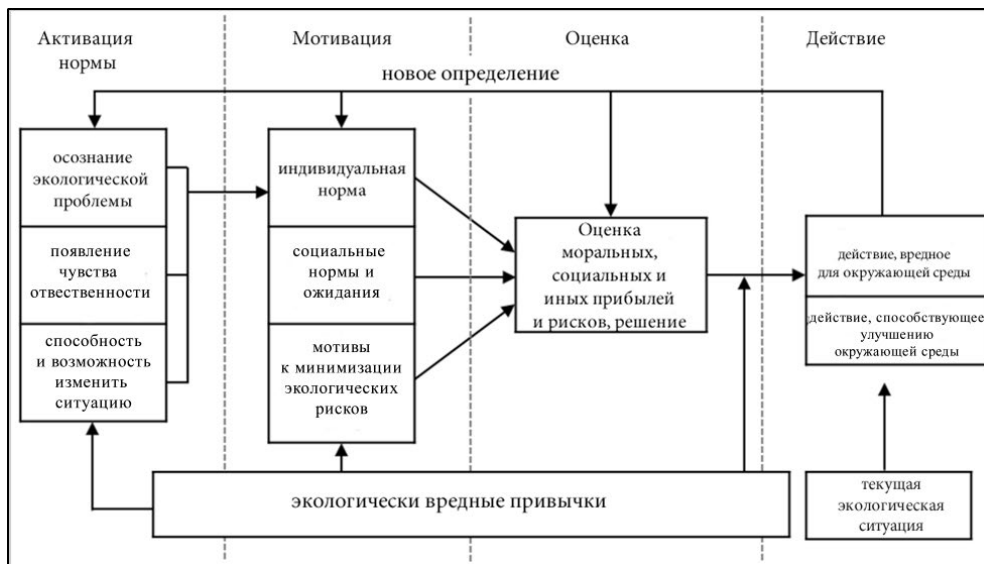

Рисунок 1. Теория активации нормы (norm activation theory) [Schwartz, 1977]

Согласно данной теории, моральные убеждения и нормы субъекта связаны с его потребностями, которые имеют разные уровни значимости. Например, это могут быть потребности в личной безопасности, сохранении определенного уровня комфорта, стремлении обезопасить себя от экологических рисков. Мотивация совершать определенные социально-экологические действия складывается из сопоставления личных норм и убеждений с социальными нормами и ожиданиями. Индивидуальные потребности, нормы и убеждения соотносятся с социальными ценностями, которые мотивируют субъекта на внешние действия, заставляя его совершать нечто в интересах других. В частности, сюда относятся действия в защиту окружающей среды. Данная идея автора соответствует тому, что мы привыкли называть альтруистическим началом: «альтруистическая мотивация относится к намерениям или целям; это выражение личностных внутренних ценностей, но без учета влияния комплекса социальных или материальных факторов» [Schwartz, 1977].

Нормы влияют на поведение субъекта через ожидаемые общественные санкции или вознаграждения. Они относятся к уровню самооценки, вызывающей гордость или чувство вины за свои действия у субъекта. Автор резюмирует, что активация нормы — это процесс восприятия субъектом неблагоприятных последствий собственного поведения, и как следствие — изменение своего поведения исходя из норм референтных для субъекта групп [Schwartz, 1977].

В данном процессе важно, чтобы индивид приписывал ответственность за действия себе. Эта процедура приписывания себе ответственности [Bamberg, Möser,

2007: 23] включает внутреннюю ценностную мотивацию как предпосылку к активации моральной нормы. Как про-, так и антиэкологические привычки проходят одинаковый процесс формирования разных норм.

Примеры приложения данной теории в научной литературе можно встретить в объяснении практик раздельного сбора отходов [Attari et al., 2010: 236], формирования энергосберегающих привычек, экономии воды, использования общественного транспорта вместо личного автомобиля [Stern, 2000; Tarrant, Cordell, 1997; Thaler, Sunstein, 2008; Liere, Kent, Dunlap, 1978; Liou, Bauer, 2007;].

Рассмотрим пример, иллюстрирующий объяснительные возможности данной теории. Для создания модели устойчивого транспорта в Китае за счет сокращения количества личного транспорта в пользу общественного с альтернативными видами топлива была сформулирована гипотеза в соответствии с теорией активации нормы.

H1: Сокращение использования автомобильного транспорта возможно при удовлетворении общественных взаимовыгодных интересов (сокращение количества загрязнений воздуха, уменьшении доли опасных заболеваний и т. д.) и личного интереса (экономии средств и времени у граждан).

Согласно теории активации нормы, поведение субъектов определяется силой влияния субъективной нормы. Для того чтобы понять, как можно изменить данную норму, необходимо рассмотреть рациональные предпосылки «затрат и выгод» поведения. Изучив статистику используемого транспорта и проведя социологический опрос, Ч. Влек выделил несколько направлений для изменений личного поведения и социальных условий. Автор изучал как отношение к возможным гипотетическим действиям, так и недавно введенные новые законы (ограничения на использование личного транспорта, новые транспортные налоги). Согласно полученным данным, главным фактором к проэкологическим изменениям поведения у жителей оказалось повышение осведомленности об экологической ситуации в городах Китая, что соответствует тезису теории о личной причастности индивида к формированию экологической проблемы и возможностей ее изменить своим поведением. Изменению экологического поведения препятствуют налоги и ограничения на использование транспорта, так как жители стремятся обойти законы и ограничения, покупая дополнительный транспорт или используя машины родственников.

Всего Ч. Влек предложил несколько пакетных решений по сокращению автомобильного транспорта: 1) изменение транспортной инфраструктуры путем предоставления альтернативных видов транспорта, 2) изменение законов, 3) применение экономических стимулов — налогов на топливо, импорт автомобилей, на покупку, на регистрацию, прямых дорожных сборов, сборов за парковку, 4) систематическое предоставление населению информации об экологической ситуации и загрязнении воздуха, 5) формирование экологической транспортной инфраструктуры.

В приведенных примерах начальный «набор установок» (*set of attitudes*) одинаков — как правило, это субъект с низкой степенью эко-ответственности. Экологические привычки изменяются из-за негативных санкций со стороны референтных для данного субъекта групп, однако на практике, как правило, именно

положительные экостимулы играют более значительную роль [Schwartz, 1973; 1977; 1994].

Теория «ценности — убеждения — нормы» (value — belief — norm theory) [Stern, 2000; Stern et al., 1999; Blades, 2006] (см. рис. 2). Теория «ценности — убеждения — нормы» направлена на анализ существующих установок с набором норм. Исходя из внутреннего набора ценностей и норм, измеряется расхождение в индивидуальных и коллективных нормах экологического поведения субъектов.

П. Стерн разделяет ценности на биосферические (biospheric), альтруистические (altruistic) и эгоистические (egoistic).

Эгоистические экологические ценности основаны на убеждении о вреде экологических рисков для здоровья субъектов природопользования. В соответствии с данной логикой субъекты совершают экологически-ориентированные действия для удовлетворения индивидуальных потребностей. Альтруистические ценности — это ценности, согласно которым субъект включается в экологически-ориентированные действия с целью обеспечения здоровой окружающей среды для других субъектов и будущих поколений.

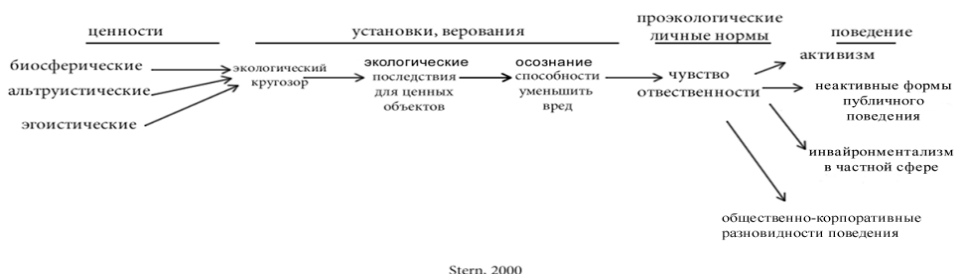

Рисунок 2. Теория «ценности — убеждения — нормы» (value — belief — norm theory) [Stern, 2000]

Биосферические ценности отражают веру индивида в абсолютную ценность природы. Природа признается изначально самоценной, имеющей право на существование вне необходимости удовлетворения потребностей субъектов. Набор биосферических, альтруистических и эгоистических ценностей формирует личные установки, или убеждения субъекта. В комплекс установок, по П. Стерну, входят *экологический кругозор (ecological worldview)*, *неблагоприятные последствия ценных для индивида объектов (adverse consequences for valued objects)*, *осознаваемая способность уменьшить вред (perceived ability to reduce threat)*.

В зависимости от этого формируется комплекс «проэкологических» личных норм, на основе которого складываются четыре модели поведения:

1) экологический активизм (activism) (например, членство в экологической организации, организация экологического протеста и т. д.);

2) неактивные поведенческие практики в общественной сфере (non activist public sphere behaviours) проявляются как в более пассивных формах участия (например, написание экологических петиций, присоединение к экологическим организациям), так и в поддержке существующей экологической политики (го-

товность платить более высокие налоги для обеспечения экологической безопасности); однако данные практики воздействуют на окружающую среду только косвенно — через влияние на социальную политику;

3) инвайронментализм в частной сфере (private sphere behaviours) (например, покупка «органических» продуктов питания, сортировка домашних отходов и т. д.) отличается от проэкологического поведения в общественной сфере тем, что оказывает воздействие на окружающую среду непосредственно. Однако это релевантно только в случае коллективного действия;

4) проэкологическое поведение на организационном уровне (behaviours in organization): субъекты могут оказать воздействие на окружающую среду через организационные поведенческие практики. Например, инженеры могут производить проэкологические продукты, девелоперы или банкиры могут учитывать экологический критерий в своих решениях и т. д.

Согласно П. Стерну, каждая переменная в цепочке (рис. 2) напрямую влияет на другую переменную. К примеру, основным мотивом активистского поведения выступают поддерживаемые субъектом ценности здоровой окружающей среды, вера в то, что неблагоприятные экологические последствия могут быть опасны для здоровья человека, соответственно, на этой основе у субъекта формируется чувство долга по отношению к проэкологическим поведенческим практикам.

Приложение данной теории рассмотрим на примере практики раздельного сбора и утилизации отходов [Stern, 2000]. В основе данного поведения могут быть положены разные ценности: биосферические (ценность окружающей среды самой по себе), альтруистические (желание сохранить чистоту окружающей среды не только для себя, но и для потомков, для общества, значимой группы), эгоистические (ценность сохранения чистой окружающей среды для себя). Данные ценности формируют экологический кругозор.

Предполагается, что если у субъекта доминируют биосферические ценности, то он обладает достаточными знаниями о загрязнении среды отходами и влиянии человека на эту проблему. Субъект сортирует мусор, поскольку у него есть чувство долга действовать в защиту окружающей среды, он представляет последствия загрязнения значимых для него объектов и знает, что практика раздельного сбора снижает нагрузку на окружающую среду. Если у него доминируют эгоистические ценности, то основным мотивом сортировки отходов является удовлетворение личных потребностей в чистой экологии для своего здоровья.

Степень влияния биосферических, альтруистических и эгоистических установок в конечном счете помогает сформировать несколько типов ресурсосберегающего поведения в отношении практики раздельного сбора отходов. Так, согласно данной теории, экологический активизм обусловлен сильным перевесом биосферических и альтруистических ценностей и установок. Также П. Стерн предполагает возможное разделение на практики домохозяйства или личные практики (наличие многоразовых упаковок, контейнеров, ресурсосберегающие материалы, перерабатываемые материалы, использование компостеров и пр.), и профессиональные практики (технологические и организационные решения, экономические инструменты и изобретения, которые продвигают раздельный сбор).

Осознание того, что личный вклад в экологизацию среды посредством отдельного сбора или участия в субботниках окажет эффективное положительное влияние на окружающую среду, налагает дополнительную ответственность на субъекта, повышает его экологическую мотивацию, которая формирует его внутренние экологические установки. Причем чем больше положительный результат поощряется обществом, тем лучше закрепляется выбранная (эко-ориентированная) модель поведения [Thaler, Sunstein, 2008: 116; Marx, 2010: 67; Widegren, 1998; Vastag, Kerekes, Rondinelli, 1996; Vining, Ebreo, 2002].

Теория запланированного поведения (theory of planned behavior) [Ajzen, 1991: 180]. Согласно данной теории, знание об экологической проблеме, установки, ценности и общественный контроль определяют поведенческие намерения индивида [Fishbein, Ajzen, 1975] (см. рис. 3).

На поведение субъекта воздействуют следующие факторы: 1) поведенческое намерение (behavioral beliefs) — убеждения о вероятных последствиях поведения, 2) поведенческие установки (normative beliefs) — убеждения о том, что существуют общественные нормы и ожидания других, 3) общественный контроль (control beliefs) — убеждения индивида о присутствии внешних и внутренних факторов, которые могут содействовать или воспрепятствовать осуществлению поведения.

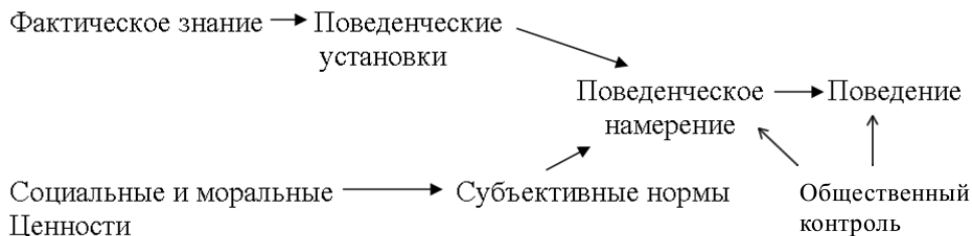

Рисунок 3. Теория запланированного поведения (theory of planned behavior) [Ajzen, 1991]

В сочетании с пониманием последствий поведения субъективная норма и воспринимаемый поведенческий контроль приводят к формированию намерения, которое трансформируется в поведение. Как правило, чем положительнее отношение общества к заданному поведению и субъективной норме субъекта, тем сильнее должно быть намерение человека реализовать определенное поведение.

Экологическое поведение является результатом преднамеренного действия (*intentional action*), независимо от мотивов таких действий [Eisenberg, Fabes, 1990: 130; Eisenberg, Miller, 1987: 111]. По мнению П. Стерна [Stern, 2000], основное внимание уделяется намерению действовать, а не коллективным ожиданиям [Walton, 2014]. Экологически-ориентированная деятельность пропагандируется как позитивное поведение. Однако даже если у человека есть такое намерение, контроль может быть затруднен, к примеру, такими факторами, как убеждение в том, что поведение человека не окажет никакого влияния [Koger, Winter, 2010; Stern, 2005; Kirasic, Allen, Siegel, 1984].

В исследованиях был сделан вывод, что если у субъекта есть желание сортировать отходы, но отсутствует доступная инфраструктура раздельного сбора, то, согласно теории запланированного поведения, воспринимаемый контроль со стороны общества низкий, а самоограничения индивида высоки, поэтому ожидаемое проэкологическое действие может не произойти. Эвристические возможности данной теории в этих ситуациях помогают объяснить противоречия между экологическими установками и низким уровнем проэкологического поведения [Baldassare, Katz, 1992: 605]².

Проиллюстрируем данную теорию в действии. Одна из исследуемых П. Стерном проблематик — «устойчивое потребление», то есть потребительское поведение, включающее в себя покупку таких услуг и сопутствующих товаров, которые обеспечивают основные потребности индивида, повышают качество жизни при минимальном расходе природных ресурсов, токсичных материалов, при минимальном выбросе отходов и загрязняющих веществ в течение жизненного цикла услуги или продукта [Ramus, Montiel, 2005].

Теория запланированного поведения предсказывает намерение (intention) покупки, используя четыре фактора: отношение потребителя к продуктам, начальная норма поведения, воспринимаемая эффективность экологического поведения потребителем и контроль поведения обществом.

А. Айзен сформулировал несколько гипотез: нормы оказывают положительное влияние на намерение покупки экологически устойчивых продуктов, субъективные нормы отражают социальное давление посредством поощрения к определенному поведению.

На основе данной теории было проведено исследование в Индии [Vamberg, 2003]. Авторы пришли к выводу, что эффективность «зеленых» товаров в сравнении с обычными товарами была наиболее важным фактором, регулирующим потребительское поведение. Отношение потребителей к определенному продукту, его престижность и этическая ценность также являются важными факторами. Индийское общество коллективистское, а следовательно, имеет высокий уровень контролирующих установок на поведение индивида, который более чувствителен к мнению группы, что подтвердилось в ходе исследования. Растущая осведомленность среди потребителей о проблемах окружающей среды и дефицитных ресурсах начала отражаться в структуре потребительской корзины в пользу «зеленых» продуктов и услуг.

По мнению С. Бамберга, устойчивое развитие быстро становится ключевым фактором при принятии решения о покупке. Потребители теперь заботятся об окружающей среде и ищут бренды, способные улучшить их собственную жизнь, создавая более устойчивую экономику, которая может принести пользу всем. Интерес к устойчивым продуктам растет за счет экологических и социальных выгод, потребители готовы платить больше за «зеленые» продукты и поощрять других покупать у более ответственных компаний в том случае, если продукты оправдывают ожидания потребителей. Экологически ориентированные потре-

² См. также: Australian Psychological Association (2010) Psychology and climate change: A position statement prepared for the Australian Psychological Society. URL: <https://www.psychology.org.au/getmedia/9c23e87d-15fb-448c-aa53-b65f1a967e8d/Position-statement-climate-change.pdf> (accessed: 15.08.2019).

бители рекламируют своим выбором продукт и оказывают влияние на другие потребительские группы.

Таким образом, теория запланированного поведения является прогностической моделью для объяснения мотивов поведения человека. Из-за простоты в использовании данная модель имела большой успех у ученых: применялась и пересматривалась в широком спектре различных исследований [Bamberg, 2003: 30]. Помимо экологической сферы данную теорию активно применяют для объяснения мотивов и практик субъектов в области здравоохранения и питания. К примеру, на основе данной теории исследователи определяют факторы ожирения у американцев из Китая [Liou, Bauer, 2007; Heft, 2001, 2007; Heft, Chawla, 2006; Axelrod, Lehman, 1993]. Намерение предотвратить лишний вес было ключевой конструкцией в процессе исследования, однако контроль со стороны общества способен многократно усиливать намерение и помочь сформировать новый, более здоровый тип потребления.

Теория самовосприятия (self-perception theory). Еще одной заслуживающей исследовательского внимания теорией в области объяснения мотивов экологического поведения является теория самовосприятия [Prati et al., 2015: 180; Sawitri et al, 2014: 28; Cornelissen, 2006; Bem, 1972]. Согласно данной теории, субъекты конструируют свои экологические установки исходя из прошлого опыта участия в экологических практиках. В ситуациях, когда экологические установки отсутствуют либо слабо артикулированы, субъекты формируют экологические установки исходя из опыта участия в экологических практиках в прошлом. Для оценки степени экологизации своих действий субъекты обращаются к принципу эвристической доступности (availability heuristic): субъекты оценивают частоту включения в экологические практики по скорости вспоминания о них. Таким образом они оценивают сформированность своих экологических установок на основании доступности вспоминания о проэкологических действиях. Уровень экологизации установок субъекта напрямую зависит от объема предыдущих проэкологических практик и той скорости, с которой они смогут извлечь их из своего сознания. Однако трудность заключается в том, что субъекты могут не ассоциировать свои поведенческие практики с проэкологическим поведением. Это может быть связано с тем, что субъекты не рассматривают данные практики как проэкологические, поскольку они являются для них повседневными (например, выключение за собой света, электричества, сортировка отходов и т. д.). Субъекты могут не рассматривать деятельность в качестве экологической и по множеству других причин: экономических (выключение света и сохранение энергии может быть осуществлено в целях экономии), социокультурных (например, сортировка мусора может выступать социальной нормой в обществе). Следовательно, для того чтобы данные повседневные поведенческие практики перешли в феноменологическое поле экологических практик субъекта, необходимо осуществить переход из «что-то, что я обычно делаю» в «что-то, что я обычно делаю в области экологии». Данный переход возможен при условии повышения общего уровня экологического знания субъекта, экологической культуры [Rivera, de Leon, 2004; Huang, 2003; Russo, Fouts, 1997; Phillips, 2010; Gatersleben, 2007; Consciousness..., 1993].

В подходе самовосприятия существует и обратная проблема: совершив однократно проэкологическое действие, субъекты могут приобрести уверенность в сформированности своих проэкологических установок. В то время как люди с действительно высоким уровнем экологического сознания могут рассматривать данные практики в качестве повседневных. Другими словами, два разных субъекта могут быть включены в одну и ту же проэкологическую деятельность, но восприятие этой деятельности у них будет разным. Данный пример обнажает одну из самых сложных проблем, с которой сталкиваются социальные исследователи: несмотря на достоверный инструментарий и надежные измерения, истинные установки респондента очень сложно измерить [Schultz et al., 2007].

Теория «установки — поведение — контекст» (attitudes — behavior — context theory) [Stern, 1999]. В 1990-е годы возник методологический сдвиг в сторону применения многофакторных моделей объяснения экологического поведения. Большое распространение получила теория «установки — поведение — контекст» П. Стерна [Stern, 1999]. Автор понимает поведение как интерактивный продукт личностной системы ценностей и корпуса контекстуальных факторов. Соответственно, экологическое поведение представляет собой продукт взаимодействия личностных установок и контекстуальных факторов [Ермолаева, 2012].

Личностный уровень состоит из индивидуальных ценностей, установок, убеждений о множестве социальных явлений и процессов, включая окружающую среду. Поведенческий уровень включает в себя различные модели экологического поведения субъектов. Контекстуальный уровень предполагает изучение социальных, психологических, материальных и многих других переменных. Например, предписанные и достигаемые социальные различия (культурный/социальный капитал, образование, навыки, социальный статус и т. д.), институциональные нормы и регуляции (социальные программы, правовые и налоговые регуляции и т. д.), общественные ожидания, социальная поддержка, институциональные факторы и т. д. [Eisenberg, Fabes, 1990; Russo, Fouts, 1997].

Отношение индивидов к объектам восприятия формируется под воздействием внешних факторов (например, влияние значимых других), которые в итоге определяют поведенческие установки личности. Например, среди причин, по которым люди ездят на общественном транспорте, могут быть не только проэкологические соображения, но и отсутствие финансов, автомобиля и парковочной стоянки, страх вождения и т. д. Поэтому, несмотря на то что субъекты экологического поведения могут обладать развитыми экологическими установками, они могут не вести себя экологическим образом в силу самых разных независящих от них причин: инфраструктурных или институциональных ограничений.

Таким образом, согласно П. Стерну, существует четыре вида независимых факторов, влияющих на экологическую деятельность: 1) внутренние факторы, относящиеся к области экологического сознания: убеждения, ценности, нормы и т. д.; 2) внешние (контекстуальные) факторы, включающие институциональные нормы, правительственные регуляции и т. д.; 3) индивидуальные возможности, включающие знания и навыки, необходимые для совершения определенных действий (например, навыки организационного лидера и т. д.), наличие времени для

совершения действий и таких ресурсов, как финансы, социальный статус и власть; 4) привычка/рутина [Stern, 1999].

Характер взаимодействия данных факторов подробно рассмотрен на примере бытовой экономии электроэнергии [Gardner, Stern, 1996] (см. табл. 1).

**Таблица 1. Факторная модель экологической деятельности
(на примере бытовой экономии электроэнергии) [Gardner, Stern, 1996]**

	Уровни	Типы переменных	Примеры
Внешние факторы	7 высокий	Профиль домохозяйства	Доход, образование, размер домохозяйства
	6	Внешние факторы	Цены на электроэнергию, статус владельца домохозяйства, доступная технология, наличие внешних препятствий, создающих барьеры в бытовой экономии электроэнергии
Внутренние факторы	5	Мировоззрение и ценности	Приверженность НЭП, наличие биоцентрических/ постматериальных ценностей
	4	Установки и убеждения	Озабоченность общей ситуацией в области нехватки электроэнергии; убежденность домохозяйства в значимости личного вклада в экономию электроэнергии
	3	Знание	Наличие знаний о том, что основной потребитель электроэнергии — водонагреватель, обогреватель
	2	Внимательное отношение к проблеме на поведенческом уровне	«Мне необходимо помнить об установке уплотнителя швов на трубах перед отопительным сезоном»
	1 низкий	Проэкологическое поведение	Уменьшение использования обогревателей/ водонагревателей/ кондиционеров, использование электросберегающих лампочек, выключение за собой света

По мнению ученых, любая переменная более высокого уровня способна оказывать влияние на переменные более низкого уровня [Grimmer et al., 2015]. Внутренние факторы (уровни 1-5) захватывают личностные и межличностные уровни анализа. Внешние факторы вовлекают множество контекстуальных факторов, не зависящих от индивидуальных предпочтений, установок и убеждений. Поведение, подверженное влиянию данных факторов, может быть обусловлено влиянием разных причин. Например, существенная доля проэкологических практик совершается под влиянием привычки (например, привычка выключать свет и т.д.).

Чем сильнее влияние внешних факторов, тем слабее влияние внутренних факторов на экологическое поведение и наоборот. Исследования демонстрируют, что поведение, требующее времени, усилий или финансовых затрат, снижает влияние личностных факторов (например, убеждений и установок). Так, на электораль-

ное поведение высокое влияние оказывают внутренние факторы, в то время как, например, организация экологического протеста требует затрат ресурсов и во многом зависит от внешних факторов.

Согласно подходу коллективной рациональности (*collective rationality approach*), до тех пор, пока проэкологическое поведение будет включать затраты ресурсов, рациональным выбором субъекта будет не придерживаться такого рода поведения [Bratt, 1999; Gould et al., 1996, Scherbaum et al., 2008, Garling, Schuitema 2007; Etzion, 2007; Gatersleben, 2007; Devlin, 2001; De Groot, Steg, 2007; 2008].

Выводы и обсуждение

В данной статье авторы предприняли попытку критического анализа, сравнения и систематизации основных подходов и теорий, объясняющих «тонкую» структуру экологического поведения субъектов на основе анализа зарубежной литературы. Для объяснения мотивов экологического поведения субъектов рассматриваются: теория активации нормы, теория запланированного действия, теория «ценности — убеждения — нормы», теория самовосприятия, подход «установки — поведение — контекст».

Данные теории и подходы располагают широкими эвристическими возможностями для объяснения установок и мотивов экологического поведения субъектов действия, однако практически не представлены в отечественной социально-экологической литературе. Авторы данной статьи сделали попытку восполнения данного пробела.

Рассмотренные теории базируются на анализе схожих компонентов: установок, ценностей и поведения субъектов. Однако в большинстве этих теорий в фокусе внимания находится какая-то одна независимая переменная, через которую происходит объяснение сложных процессов экологического поведения субъекта.

Теория активации нормы объясняет, как на основе первичных экологических знаний и ценностей формируется норма, а далее — трансформируется в проэкологические практики. В отличие от нее теория запланированного действия анализирует общественные формы контроля и взаимоотношения индивидов и социальных институтов в процессе формирования практик. Обе теории показывают, как общество оценивает действия субъектов, что впоследствии становится решающим фактором при формировании экопрактик.

Теория «ценности — убеждения — нормы» направлена на анализ установок и норм субъекта, в зависимости от которых формируются разные модели экологической деятельности: экологический активизм, инвайронментализм в частной сфере, проэкологическое поведение на организационном уровне.

Теория самовосприятия фокусируется на опыте участия субъекта в экологических практиках.

Все рассмотренные теории и подходы базируются на анализе схожей цепочки переменных, однако в процессе проведения исследований данные модели усложнялись и дополнялись новыми переменными. К примеру, теория «установки — поведение — контекст» позволяет ученым строить многомерные модели по оценке уровня сформированности экологических практик субъектов на основе анализа множества переменных: инфраструктурных, институциональных, социаль-

но-экономических, демографических, ситуационных. В отличие от более ранних теорий, данный подход удачно интегрирует контекстуальные факторы в анализ разнообразной палитры экологических действий, объясняет причины, по которым субъекты с высоким уровнем экологических ценностей и установок имеют низкий уровень экологических практик.

Большинство исследований основываются на каком-то одном теоретическом фундаменте, однако есть также работы [Widegren, 1998; Van Raaij, 2002], комбинирующие разные теоретические подходы для объяснения множественности факторов экологического поведения субъектов [Schoot Uiterkamp, Vlek, 2007; Nordlund, Garvill, 2003; Verplanken et al., 1998]. Недостатком большинства эмпирических исследований является их недостаточное объяснение сильных и слабых сторон применения теорий [Nicolaidis, 2006; Morrone et al., 2001; Manoli et al., 2007].

В целом анализ показал, что нет какой-либо одной универсальной теории, которая бы наиболее полно и объективно объяснила экологические мотивы и поведение субъекта; скорее для комплексного объяснения необходима комбинация разных теорий и подходов, а также знание их эвристических возможностей и ограничений. Возможности теории активации норм позволяют объяснить формирование экологических норм субъектов и их трансформацию в экологические практики на основе анализа ценностей и их соотнесение с ценностями референтных для субъектов групп. Теория запланированного действия лучше всего подходит для объяснения экологического поведения субъекта на основе анализа его экологических установок и намерений. Возможности теории «ценности — убеждения — нормы» можно использовать при группировке субъектов на основе различных видов экологических ценностей и практик. Теория самовосприятия может быть применена для объяснения степени сформированности экологической деятельности субъектов на основе опытов его включенности в экологические практики в прошлом; в тех случаях, когда у исследователей нет возможности измерить текущие установки, ценности и нормы субъектов. Эвристические возможности теории «установки — поведение — контекст» позволяют ученым строить многомерные модели по оценке уровня сформированности экологических практик субъектов на основе анализа множества переменных: инфраструктурных, институциональных, социально-экономических, демографических, ситуационных.

Список литературы (References)

Ермолаева П. О. Особенности формирования экологической культуры российских и американских студентов (кросс-культурный проект). Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Казан. (Приволж.) федер. ун-т. Казань, 2011. 285 с.

Ermolaeva P. O. (2011) Features of the formation of the ecological culture of Russian and American students (cross-cultural project). The dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. Kazan: University of Kazan. 285 p.

Ермолаева П. О. Экологический образ жизни российского и американского студенчества // Вестник Института социологии. 2011. Т. 2. № 2. С. 236—253.

Ermolaeva P.O. (2011) Ecological way of life of Russian and American students: features of manifestation and problems of formation. *Vestnik instituta sotziologii*. Vol. 2. No. 2. P. 236—253.

Рыбакова М. В., Гоманова С. О. Основные факторы социализации детей в условиях экопоселений России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2014. № 1. С. 135—143.

Rybakova M. V., Gomanova S. O. (2014) Basic factors affecting children Socialization in Russian ecovillages. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 135—143.

Ajzen I. (1991) The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. Vol. 50. No. 2. P. 179—211. [https://doi.org/10.1016/0749-5978\(91\)90020-t](https://doi.org/10.1016/0749-5978(91)90020-t).

Attari S. Z., DeKay M. L., Davidson C. I., Bruine de Bruin W. (2010) Public perceptions of energy consumption and savings. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 236 p. <https://doi.org/10.1073/pnas.1001509107>.

Axelrod J., Lehman D. R. (1993) Responding to Environmental Concern: What factors guide individual action? *Environment and Behavior*. No. 13. P. 149—159. [https://doi.org/10.1016/s0272-4944\(05\)80147-1](https://doi.org/10.1016/s0272-4944(05)80147-1).

Baldassare M., Katz C. (1992) The personal threat of environmental problems as predictor of environmental practices. *Environment and Behavior*. Vol. 24. No. 5. P. 602—616. <https://doi.org/10.1177/0013916592245002>.

Bamberg S. (2003) How does environmental concern influence specific environmentally related behaviors? A new answer to an old question. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 23. No. 1. P. 21—32. [https://doi.org/10.1016/s0272-4944\(02\)00078-6](https://doi.org/10.1016/s0272-4944(02)00078-6).

Bamberg S., Möser G. (2007) Twenty years after Hines, Hungerford and Tomera: a new meta-analysis of psycho-social determinants of pro-environmental behaviour. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 27. No. 1. P. 14—25. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2006.12.002>.

Barr S., Gilg A. W., Ford N. J. (2001) Differences between household waste reduction, reuse and recycling behavior: a study of reported behaviours, intentions and explanatory variables. *Journal of Environmental and Waste Management*. Vol. 4. No. 2. P. 69—82.

Bem D. J. (1972) Self-Perception Theory. *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 6. No. 4. P. 1—62.

Blades C., Spencer N. (2006) Children and their environments. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Bratt C. (1999) Additions to the lichen flora of San Clemente Island, California. *Bulletin of the California Lichen Society*. Vol. 6. No. 2. P. 19—21.

Consciousness, coordination, and conflict: The political economy of environmental problems. (1993) *Advances in Human Ecology*, Greenwich, CT: JAI Press. Vol. 3. P. 23—64.

- Cornelissen G. (2006) Cueing common ecological behaviors to increase environmental attitudes. *Lecture Notes in Computer Science*. 120 p.
- Corraliza J. A., Berenguer J. (2000) Environmental values, beliefs and actions. *Environment and Behavior*. Vol. 32. No. 6. P. 832—848. <https://doi.org/10.1177/00139160021972829>.
- De Groot J. I. M., Steg, L. (2007) Value orientations and environmental beliefs in five countries: validity of an instrument to measure egoistic, altruistic and biospheric value orientations. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 38. No. 3. P. 318—332. <https://doi.org/10.1177/0022022107300278>.
- De Groot J., Steg L. (2008) Value orientations to explain beliefs related to environmental significant behavior: how to measure egoistic, altruistic, and biospheric value orientations. *Environment and Behavior*. Vol. 40. No. 3. P. 330—354. <https://doi.org/10.1177/0013916506297831>.
- Derksen L., Gartrell J. (1993) The social context of recycling. *American Sociological Review*. Vol. 58. No. 3. P. 434—442. <https://doi.org/10.2307/2095910>.
- Devlin A. S. (2001) *Mind and maze: Spatial cognition and environmental behavior*. Westport, CT: Praeger.
- Dunlap R. E., Jones R. E. (2002) Environmental concern: Conceptual and measurement issues. In: *Handbook of Environmental Sociology*. P. 482—524. Westport, ST: Greenwood Press.
- Eisenberg N., Fabes R. A. (1990) Empathy: Conceptualization, measurement, and relation to prosocial behavior. *Motivation and Emotion*. Vol. 14. No. 2. P. 131—149. <https://doi.org/10.1007/bf00991640>.
- Eisenberg N., Miller P. A. (1987) The relation of empathy to prosocial and related behaviors. *Psychological Bulletin*. Vol. 101. No. 1. P. 91—119. <https://doi.org/10.1037//0033-2909.101.1.91>.
- Ermolaeva P. O. (2017) In the labyrinths of the «sustainable city» concepts: the meta-analysis of contemporary studies. *The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication*. December 2017 Special Edition. P. 1288—1293.
- Environmental knowing: Theories, research, and methods. (2010) Cambridge: Cambridge university press. P. 58—66.
- Etzion D. (2007) Research on organizations and the natural environment, 1992-present: A review. *Journal of Management*. Vol. 33. No. 4. P. 637—664.
- Figge F., Hahn T., Schaltegger S., Wagner M. (2002) The sustainability balanced scorecard—linking sustainability management to business strategy. *Business Strategy and the Environment*. Vol. 11. No. 2. P. 269—284. <https://doi.org/10.1002/bse.339>.
- Fishbein M., Ajzen I. (1975) *Belief, Attitude, Intention, and Behavior: An Introduction to Theory and Research*. Reading, MA: Addison-Wesley.

Garling T., Loukopoulos P. (2007) Effectiveness, public acceptance, and political feasibility of coercive measures for reducing car traffic. In: T. Garling, L. Steg (Eds.). Threats to the quality of urban life from car traffic: Problems, causes, and solutions. Amsterdam: Elsevier. P. 313—324. <https://doi.org/10.1108/9780080481449-017>.

Garling T., Schuitema G. (2007) Travel demand management targeting reduced private car use: effectiveness, public acceptability and political feasibility. *Journal of Social Issues*. Vol. 63. No. 1. P. 139—153. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2007.00500.x>.

Gardner G. T., Stern P. (1996) *Environmental Problems and Human Behavior*. Needham Heights: Allyn and Bacon Press.

Gatersleben B. (2007) Affective and symbolic aspects of car use. In: T. Garling, L. Steg (Eds.), Threats to the quality of urban life from car traffic: Problems, causes, and solutions. Amsterdam: Elsevier. P. 219—233. <https://doi.org/10.1108/9780080481449-012>.

Gould K. A., Schnaiberg A., Weinberg A. S. (1996) *Local Environmental Struggles: Citizen Activism in the Treadmill of Production*. New York and Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511752759>.

Grimmer M., Kilburn A. P., Miles M. P. (2015) The effect of purchase situation on realized pro-environmental consumer behavior. *Journal of Business Research*. Vol. 69. No. 5. P. 1582—1586. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2015.10.021>.

Guagnano G. A., Stern P. C., Dietz T. (1995) Influences on attitude-behavior relationships: A natural experiment with curbside recycling. *Environment and Behavior*. Vol. 27. No. 5. P. 699—718. <https://doi.org/10.1177/0013916595275005>.

Hansla A., Gamble A., Juliusson A., Gärling T. (2008) The relationships between awareness of consequences, environmental concern, and value orientations. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 28. No. 1. P. 1—9. <http://www.doi.org/10.1016/j.jenvp.2007.08.004>.

Heft H. (2001) *Ecological psychology in context: James Gibson, Roger Barker, and the legacy of William James's radical empiricism*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

Heft H., Chawla L. (2006) *Children as agents in sustainable development: Conditions for competence*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.4324/9781410600479>.

Heft H. (2007) The social constitution of perceiver- environment reciprocity. *Ecological Psychology*. Vol. 19. No. 2. P. 85—105.

Jansen-Osmann P., Schmid J., Heil M. (2007) Wayfinding behavior and spatial knowledge of adults and children in a virtual environment: The role of the environmental structure. *Swiss Journal of Psychology*. Vol. 66. No. 1. P. 41—50. <http://www.doi.org/10.1024/1421-0185.66.1.41>.

Huang H. (2003) Comparative Study of Canadian and Taiwanese grade 5 Children's environmental behaviors, attitudes, concerns, emotional disposition, and knowledge.

International Journal of Science and Mathematics Education. Vol 1. No. 4. P. 419—448. <https://doi.org/10.1007/s10763-005-1098-6>.

Kirasic K. C., Allen G. L., Siegel A. W. (1984) Expression of configurational knowledge of large-scale environments: Students' performance of cognitive tasks. *Environment and Behavior*. Vol. 16. No. 6. P. 687—712. <http://www.doi.org/10.1177/0013916584166002>.

Koger S., Winter D. N. (2010) *The Psychology of Environmental Problems*. New York: Psychology Press.

Kollmuss A., Agyeman J. (2002) Mind the gap: why do people act environmentally and what are the barriers to pro-environmental behavior? *Environmental Education Research*. Vol. 8. No. 3. P. 239—260 <http://www.doi.org/10.1080/13504620220145401>.

Kytta M. (2002) Affordances of children's environments in the context of cities, small towns, suburbs, and rural villages in Finland and Belarus. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 22. No. 1 P. 109—123. <https://doi.org/10.1006/jevp.2001.0249>.

Liere V., Kent D., Dunlap R. E. (1978) Moral norms and environmental behavior: An application of Schwartz's norm activation model to yard burning. *Journal of Applied Social Psychology*. Vol. 8. No. 25. P. 174—188. <https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.1978.tb00775.x>.

Liou D., Bauer K. D. (2007) Exploratory investigation of obesity risk and prevention in Chinese Americans. *Journal of Nutrition Education and Behavior*. Vol. 39. No. 3. P. 134—141. <https://doi.org/10.1016/j.jneb.2006.07.007>.

Lutzenhiser L., Hackett B. (1993) Social stratification and environmental degradation: Understanding household CO2 production. *Social Problems*. Vol. 40. No. 1. P. 50—69. <https://doi.org/10.1525/sp.1993.40.1.03x0072t>.

Luyben P., Cummings S. (1982) Motivating beverage container recycling on a college campus. *Journal of Environmental Systems*. Vol. 11. No. 4. P. 235—245. <https://doi.org/10.2190/h6cn-x6f7-ckm5-f1ma>

Macnaghten P. (2003) Embodying the environment in everyday life practices. *The Sociological Review*. Vol. 51. No. 1. P. 63—84. <http://www.doi.org/10.1111/1467-954X.00408>.

Martin B., Bright A., Cafaro P., Mittlestaedt R., Bruyere B. (2009) Assessing the development of environmental virtue in 7th and 8th graders in an Expeditionary Learning Outward Bound School. *Journal of Experiential Education*. Vol. 31. No. 3. P. 341—358. <http://www.doi.org/10.5193/JEE.31.3.341>.

Mayer F., McPherson Frantz C. (2004) The connectedness to nature scale: A measure of individuals' feeling in community with nature. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 24. No. 4 P. 503—515. <http://www.doi.org/10.1016/j.jenvp.2004.10.001>.

Manoli C., Johnson B., Dunlap R. (2007) Assessing children's views of the environment: Modifying the New Ecological Paradigm Scale for use with children. *The Journal of*

Environmental Education. Vol. 38. No. 4. P. 3—13. <http://www.doi.org/10.3200/JOEE.38.4.3-13>.

Marx S. (2010) Behavioral Decision Theory, Cognitive and Social Psychology: Lessons learned from Centre for Research on Environmental Decisions. Climate, Mind, and Behavior Symposium. Garrison Institute. New York.

McKenzie-Mohr D. (2009) Fostering Sustainable Behavior. Presented at: Behavior, Energy, and Climate Change Conference. Washington D. C.

Morrone, M., Mancl K., Carr K. (2001) Development of a metric to test group differences in ecological knowledge as one component of environmental literacy. *The Journal of Environmental Education*. Vol. 32. No. 4. P. 33—42. <http://www.doi.org/10.1080/00958960109598661>.

Nicolaides A. (2006) The implementation of environmental management towards sustainable universities and education for sustainable development as an ethical imperative. *International Journal of Sustainability in Higher Education*. Vol. 7.No. 4. P. 414—424. <http://www.doi.org/10.1108/14676370610702217>.

Nordlund A. M., Garvill J. (2002) Value structures behind pro-environmental behavior. *Environment and Behavior*. Vol. 34. No. 6. P. 740—756. <https://doi.org/10.1177/001391602237244>.

Nordlund A. M., Garvill J. (2003) Effects of values, problem awareness, and personal norm on willingness to reduce personal car use. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 23. No. 4. P. 339—347. [https://doi.org/10.1016/s0272-4944\(03\)00037-9](https://doi.org/10.1016/s0272-4944(03)00037-9).

Prati G., Albanesi C., Pietrantonio L. (2015) The interplay among environmental attitudes, pro-environmental behavior, social identity, and pro-environmental institutional climate. A longitudinal study. *Environmental Education Research*. Vol. 23. No. 2. P. 176—191. <https://doi.org/10.1080/13504622.2015.1118752>.

Phillips P.P. (2010) The green scorecard: Measuring the return on investment in sustainability initiatives. Boston, MA: Nicholas Brealey Publishing.

Ramus C., Montiel I. (2005) When are corporate environmental policies a form of greenwashing. *Business & Society*. Vol. 120. No. 1 P. 377—414. <http://www.doi.org/10.1177/0007650305278120>.

Rivera J., de Leon P. (2004) Is greener whiter? Voluntary environmental performance of Western ski areas. *Policy Studies Journal: the Journal of the Policy Studies Organization*. Vol. 32. No. 3. P. 417—437. <https://doi.org/10.1111/j.1541-0072.2004.00073.x>.

Roberts J. A. (1996) Green consumers in the 1990s: profile and implications for advertising. *Journal of Business Research*. Vol. 36. No. 3. P. 217—231. [https://doi.org/10.1016/0148-2963\(95\)00150-6](https://doi.org/10.1016/0148-2963(95)00150-6).

Russo M., Fouts P. (1997) A resource-based perspective on corporate environmental performance and profitability. *Academy of Management Journal*. Vol. 40. No. 3. P. 340—358. <http://www.doi.org/10.2307/257052>.

- Samdahl D. M., Robertson R. (1989) Social determinants of environmental concern: specification and test of the model. *Environment and Behavior*. Vol. 21. No. 1. P. 57—81. <https://doi.org/10.1177/0013916589211004>.
- Sawitria D.R, Hadiyantob H., Sudharto P, Hadic P. (2015) Pro-Environmental Behavior from a Social-Cognitive Theory Perspective. *Procedia Environmental Sciences*. Vol. 23. P. 27—33.
- Schwartz S. H. (1973) Normative explanations of helping behavior: A critique, proposal, and empirical test. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 9. No. 4. P. 349—364. [https://doi.org/10.1016/0022-1031\(73\)90071-1](https://doi.org/10.1016/0022-1031(73)90071-1).
- Schwartz S. H. (1977) Normative influences on altruism. *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 10. No. 1. P. 221—279. [https://doi.org/10.1016/s0065-2601\(08\)60358-5](https://doi.org/10.1016/s0065-2601(08)60358-5).
- Schwartz S. H. (1994). Are there universal aspects in the structure and contents of human values? *Journal of Social Issues*. Vol. 50. No. 4. P. 19—45.
- Scherbaum C., Popovich P, Finlinton S. (2008) Exploring individual-level factors related to employee energy conservation behaviors at work. *Journal of Applied Social Psychology*. Vol. 38. No. 3. P. 818—835. <http://www.doi.org/10.1111/j.1559-1816.2007.00328.x>.
- Schoot Uiterkamp A., Vlek C. (2007) Practice and outcomes of multidisciplinary research for environmental sustainability. *Journal of Social Issues*. Vol. 63. No. 1. P. 175—197. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2007.00502.x>.
- Schultz P.W., Nolan J., Cialdini R., Goldstein N., Griskevicius V. (2007) The constructive, destructive, and reconstructive power of social norms. *Psychological Science*. Vol. 18. No. 5. P. 429—434. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2007.01917.x>.
- Steg L. (2005) Car use: lust and must. Instrumental, symbolic and affective motives for car use. *Transportation Research A: Policy and Practice*. Vol. 39. No. 2—3. P. 147—162. <https://doi.org/10.1016/j.tra.2004.07.001>
- Steg L., Vlek C. A.J. (2009). Encouraging pro-environmental behaviour: An integrative review and research agenda. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 29. No. 3. P. 309—317. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2008.10.004>.
- Steg L., Dreijerink L., Abrahamse W. (2005) Factors influencing the acceptability of energy policies: testing VBN theory. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 25. No. 5. P. 415—425. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2005.08.003>.
- Stern P.C. (1999) Information, incentives and pro-environmental consumer behavior. *Journal of Consumer Policy*. Vol. 22. No. 2 P. 461—468.
- Stern P.C. (2000) New environmental theories: toward a coherent theory of environmentally significant behavior. *Journal of social issues*. Vol. 56. No. 3. P. 407—424. <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00175>.
- Stern P.C. (2005) Understanding individuals' environmentally significant behavior. *Environmental Law Reporter: News and Analysis*. Vol. 35. No. 5. P. 10785—10790.

- Stern P. C., Dietz T., Abel T., Guagnano G. A., Kalof L. (1999) A value-belief-norm theory of support for social movements: The case of environmentalism. *Human ecology review*. Vol. 6. No. 2. P. 81—98.
- Tarrant M. A., Cordell H. K. (1997) The effect of respondent characteristics on general environmental attitude-behavior correspondence. *Environment and Behavior*. Vol. 29. No. 3. P. 618—637. <https://doi.org/10.1177/0013916597295002>.
- Thaler R. H., Sunstein C. R. (2008) *Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness*. Penguin Books Ltd, London.
- Van Raaij W. F. (2002) Stages of behavioural change: motivation, ability and opportunity. In: G. Bartels, W. Nelissen (Eds.), *Marketing for sustainability; Towards transactional policy-making*. Amsterdam, The Netherlands: IOS Press. 316 L. P. 321—333.
- Vastag G., Kerekes S., Rondinelli D. (1996) Evaluation of corporate environmental management approaches: A framework and application. *International Journal of Production Economics*. Vol. 43. No. 2. P. 193—211. [https://doi.org/10.1016/0925-5273\(96\)00040-0](https://doi.org/10.1016/0925-5273(96)00040-0).
- Verplanken B., Aarts H., Van Knippenberg A., Moonen A. (1998) Habit versus planned behaviour: a field experiment. *British Journal of Social Psychology*. Vol. 37. No. 4. P. 111—128. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8309.1998.tb01160.x>
- Vining J., Ebreo A. (2002) Emerging theoretical and methodological perspectives on conservation behavior. In: R. B. Bechtel, A. Churchman (Eds.), *Handbook of environmental psychology*. New York: Wiley. P. 551—558.
- Vlek C. (2000) Essential psychology for environmental policy making. *International Journal of Psychology*. Vol. 35. No. 2. P. 153—167. <https://doi.org/10.1080/002075900399457>.
- Vlek C., Steg L. (2007) Human behavior and environmental sustainability: problems, driving forces and research topics. *Journal of Social Issues*. Vol. 63. No. 1. P. 1—19. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2007.00493.x>.
- Walton T. N. (2014) *Self, Society, and Environment in the 21st Century: The Development and Assessment of an Ecological Identity Scale*. University of Tennessee.
- Widgren Ö. (1998) The new environmental paradigm and personal norms. *Environment and Behavior*. Vol. 30. No. 4 P. 356—370.
- Yanitsky O., Usacheva O. (2017) History of the «Green City» in Russia. *Journal of History Culture and Art Research*. Vol. 6. No. 6. P. 125—131. <https://doi.org/10.7596/taksad.v6i6.1330>.